
UDK 811.161.1'374:811.161.1'367

Борис Юстинович Норман

Белорусский государственный университет (Белоруссия)

boris.norman@gmail.com

Михаил Юрьевич Мухин

Уральский федеральный университет (Российская Федерация)

mu-hi@ya.ru

О СИНТАКСИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ¹

В статье утверждается, что в лексическое значение слова входит синтаксический компонент, который конденсирует в себе предыдущие употребления слова и в значительной мере предсказывает (предопределяет) возможности его дальнейшего использования. Связь лексического значения и синтаксических признаков демонстрируется на примере таких русских глаголов, как *добавлять* и *дополнять*, *обучать* и *преподавать*, *врать* и *обманывать* и др.

Ключевые слова: глагол, лексическое значение, синтаксическая структура, прямой объект, управление, прагматика

The article confirms that lexical meaning of a word includes syntactic component which condenses all previous uses of the word and predicts considerable possibilities of its future use. The link between the meaning and syntactic features is demonstrated on the example of Russian verbs *dobavlyat'* and *dopolnyat'* [to add], *obuchat'* and *prepodavat'* [to teach], *vrat'* and *obmanuvat'* [to deceive] and some others.

Keywords: verb, lexical meaning, syntactic structure, direct object, government, pragmatics

0 Исходная для нас гипотеза заключается в том, что в лексическую семантику слова встроен синтаксический компонент, обобщающий все употребления данного слова в предыдущих контекстах и в значительной степени предопределяющий дальнейшие его употребления. Наиболее очевиден этот компонент в составе глагольного значения, что объясняется особой — организующей — функцией глагола в предложении. Синтаксический компонент в принципе отражает организацию соответствующего фрейма, однако он может «выхватывать» из этого фрейма какие-то детали (слоты), а какие-то другие — «не замечать», оставляя в тени. Изменение (замена) синтаксического компонента в конечном счете свидетельствует об изменении лексического значения глагола.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета (номер соглашения 02.А03.21.0006), а также Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты».

1 Носитель языка использует в своей речи то или иное слово с его синтаксическими интенциями интуитивно и спонтанно. Как писал О. Есперсен, «большая часть этих действий определяется тем, что говорящий сам делал в подобных ситуациях, а последнее, в свою очередь, тем, что ему приходилось неоднократно слышать от других» (Есперсен 1958: 28). Но задача лингвиста — вскрыть мотивировку этого выбора, в том числе показать, что за внешне синонимичными глаголами стоит разный «взгляд» на ситуацию. Продолжим цитату из Есперсена: «Грамматика, таким образом, становится частью лингвистической психологии или психологической лингвистики» (Там же).

Удобный исходный материал для такого исследования — словари. В нашем случае основной материал для наблюдений будет извлечен из составленного под руководством Л.Г. Бабенко «Экспериментального синтаксического словаря» (РГП ЭСС). Все глаголы разнесены здесь по семантическим моделям, «отражающим типовые ситуации процессуально-событийного мира» (из аннотации к изданию).

1.1 Допустим, мы имеем дело с ситуацией, в которой к некоему большому и множественному объекту присоединяется некая малая часть (которая войдет в состав большого объекта). В словаре она описывается так: «Признак предмета количественно изменяется (уменьшается, увеличивается) самопроизвольно или в результате какого-л. воздействия» (РГП ЭСС: 291). Одна из двух базовых семантических моделей — это «субъект — предикат изменения количественного признака — объект» (Там же). А среди лексических вариантов этой модели, среди прочих (*вычитать что из чего, приумножить что, расширять что* и т. д.), указаны глаголы *дополнять что чем* и *добавлять что к чему*. Вот они нас сейчас и будут интересовать.

В одном случае, очевидно, говорящий концентрирует свое внимание на целом (на множественном объекте): *Я дополнил вторую главу новым разделом*. Во втором случае в светлое поле внимания попадает та часть (элемент), которая присоединяется к целому: *Я добавил новый раздел ко второй главе* (или: *во вторую главу*). Получается, что лексическое значение глаголов *добавлять* и *дополнять* различается главным образом своим синтаксическим компонентом: расстановкой участников ситуации и, соответственно, валентностями, которые должны быть в предложении открыты.

Ясно, что глаголы *добавлять* и *дополнять* имеют в своем значении «что-то общее», но достаточно ли этого общего для того, чтобы помещать их в один лексико-семантический класс? Считать их синонимами можно только при очень грубом и поверхностном подходе к фактам языка. Тогда, может быть, *добавлять (что к чему)* и *дополнять (что чем)* — это конверсивы? Ср. у Ю.Д. Апресяна: «Хотя... конверсивы служат для выражения различий, имеющих семантическую природу, эти различия связаны исключительно со способом осмысления говорящим некоторой ситуации; сама ситуация, например, ситуация выигрыша-проигрыша, остается при этом неизменной» (Апресян 1974: 258). Такой ответ тоже недостаточно верен — хотя бы потому, что объемы значений этих глаголов не совпадают. Это легко подтвердить примерами. Можно сказать *добавить соли в суп*, но невозможно **дополнить суп солью*.

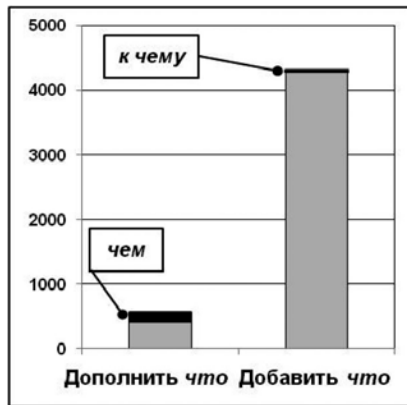
Можно сказать: *добавить краску в раствор*, но нельзя: **дополнить раствор краской*. Можно сказать: *Твои слова добавили мне уверенности*, но нельзя: **Твои слова дополнили мою уверенность* и т. д.

И дело не только в том, что *добавлять* — значительно более частотный глагол, покрывающий, естественно, более широкий спектр ситуаций. По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), частота употребления в речи *добавлять* почти в 10 раз выше, чем частота *дополнять*! Если пойти «вглубь» семантики этих глаголов, то мы обнаружим там периферийные, но дифференциальные семы, так или иначе соотносящиеся со структурой отражаемого фрейма. В *добавлять* присутствует неявное представление о «ручном» манипулировании (чего нет у *дополнять*) и о направленности действия (*добавить* можно не только *к чему-то*, но и *во что-то*); здесь менее, чем в *дополнять*, ощутима семантика префикса и т. п. Со своей стороны, в значении *дополнять* есть элемент ‘делать полным’, отсутствующий в *добавлять*. Вывод: *дополнять что чем* и *добавлять что к чему* (или *что во что*) — квазиконверсивы, см. (Апресян 1974: 275–76).

Интересно, что при речевой редукции приведенных выше выражений мы получим фразы с прямым дополнением, соответственно: *Я дополнил вторую главу* и *Я добавил новый раздел* (но не «*Я дополнил новым разделом*» и не «*Я добавил ко второй главе*»). Это подчеркивает функциональную значимость прямого объекта и его непосредственную связь с глагольной семантикой. Элиминированный же член предложения обозначает тот элемент фрейма, который «уходит в тень».

Как известно, операция свертывания синтаксической конфигурации служит своего рода тестом для установления характера синтаксических связей: «наш механизм интуитивного определения зависимости в структуре предложения основывается на возможности и направлении свертывания данного предложения» (Гаспаров 1971: 28).

Чрезвычайно важно в данном плане проверить наши интуитивные представления данными массива текстов. В частности, неопценимую помощь может нам оказать НКРЯ. По данным корпуса, полный вариант конфигурации с двумя «правыми» актантами *дополнить что чем* составляет в русских текстах около 27 % от всех вхождений на *дополнить что* (155 случаев из 573), в то время как полная конфигурация *добавить что к чему* не достигает и 1 % от всех зафиксированных случаев *добавить что* (42 примера из 4318) — см. диаграмму 1.

Диаграмма 1: Употребление глаголов *дополнить* и *добавить* с актантами в Национальном корпусе русского языка.

Это говорит, по-видимому, о том, что роль косвенного объекта в подобных ситуациях изначально «принижается» языком. Но если в каких-то случаях эта единица (отражающая, напомним, полноценный элемент референтной ситуации) переносится в пресуппозитивную часть языкового знания, то в других случаях она отодвигается в тень вплоть до почти полного упоминания.

2 В свое время в русской грамматике активно разрабатывалось понятие сильного и слабого управления, и даже предлагались количественные критерии для разграничения этих категорий, см.: (Апресян 1964; Апресян 1965; Солоницын 1966 и др.). Мысль о необходимости различать «сильную» и «слабую транзитивность» встречается и в более поздних публикациях, см. (Джусту-Фичи 1990: 266–67 и др.). Но в целом эта идея со временем была поглощена теньеровским учением, которое противопоставляет в структуре фразы «первый», «второй» и «третий» актанта, а все вместе они противопоставляются сирконстантам (обстоятельствам) — и этого оказывается достаточно (см.: Теньер 1988: 121–41). Причем граница между «участниками» глагольного действия устанавливается на основании скорее семантических, чем формально-грамматических критериев. Скажем, Т. Гивон выстраивает некую иерархию семантических категорий (таких, как «человечность», «желание», «контроль», «явность» и т. п.), наличие которых в сознании характеризует субъект в глубинной структуре (Givón 1984: 107).

Один из самых важных и распространенных признаков, служащих для отграничения актантов от сирконстантов, это как раз степень обязательности первых и необязательности вторых. Без участия актантов не может быть построено грамматически правильное высказывание (см.: Падучева 2002: 191–93). Рассмотренный только что материал подтверждает, что роль «второго актанта» более свойственна прямому дополнению, и ничего странного или нового в этом нет. Напомним слова, сказанные полвека назад: «...Обычно управляются

сильнее, т.е. больше тяготеют к полноте 1, формы с объектным значением, чем формы с необъектным значением. Это касается не только винительного прямого объекта, но и его синтаксических вариантов...» (Апресян 1965: 52–53).

2.1 Позже эта идея нашла себе отражение и среди принципов прагматики. Финский синтаксист Х. Никула, обсуждая проблему облигатности или факультативности дополнений в структуре фразы, приходит к выводу, что решающая роль в этом вопросе принадлежит прагматической природе: «вряд ли было бы ошибкой утверждать, что каждое дополнение может быть опущено при соответствующих условиях» (Nikula 2003: 500). Действительно, коммуникативная интенция говорящего и соответствующий контекст могут позволить человеку весьма свободно обойтись с языковыми правилами. Но если принять, что говорящий «эшелонирует компоненты смысла в соответствии со степенью их коммуникативной значимости» (Бергельсон, Кибрик 1981: 343), то в качестве наиболее приоритетных адресов расцениваются именно синтаксические позиции подлежащего и прямого дополнения. Хотя понятно, что фреймовая организация ситуации, соотносимая с предыдущим жизненным опытом человека, — это одно, а предикатно-актантная структура, отражающая его языковой опыт, — другое. Но в многовекторной ментальной деятельности говорящего (и слушающего) эти каналы обработки информации взаимодействуют, и в результате между ними вырабатываются определенные корреляции и «предпочтения» (см.: Норман 2012: 126). Для конкретного момента речи эти связи оказываются уже неосознаваемыми, заложенными в глубине языковой эволюции, и закономерности синтаксической организации фразы становятся частью языковой «техники».

2.2 В том же (РГП ЭСС) рассматривается класс предложений, «отображающих ситуацию речевого сообщения» (с. 195). Базовая модель: «субъект — предикат речевого сообщения — содержание сообщения — адресат». Но варианты модели классифицируются, как и в предыдущем случае, на сугубо семантическом основании, — дедуктивно и, в общем-то, условно. В частности, представлен такой лексический вариант данной модели: «Человек сообщает кому-л. какие-л. фактические сведения о ком-, чем-л.» (Там же). Это переходные глаголы *говорить, комментировать, называть, сказать, сообщать, передавать, указывать, объяснять...* Но в этот же ряд словарь включает: *посвящать кого во что, признаваться в чем, отчитываться о чем, цитировать кого-что...* Другой подкласс, другой вариант («совмещенная семантическая модель») содержит смысл: «Организация или ее представитель (представители) сообщает информацию официального характера, делая ее известной многим». Эта модель реализуется с помощью глаголов *извещать, информировать, уведомлять, обнародовать, рапортовать, резюмировать, свидетельствовать* и т. д. (с. 197). Ясно, что они по-своему отражают различные стороны ситуации речевого общения. Это общение может быть письменным или устным, институциональным или интимным, индивидуальным или обращенным к коллективу...

Как же говорящий организует данную ситуацию в синтаксическом

плане? В самом общем виде речевое действие либо а) направлено на человека (адресат информации и оказывается объектом этого действия): *Журналист информировал городскую общественность о творящихся беззакониях; Жильцов уведомили о ремонте; Миша уговорил сестру пойти купаться* и т. п., либо б) направлено на содержание сообщения (т.е. на информацию): *Петя рассказал мне последние новости; Учитель объяснил детям правило; Водитель объявляет (пассажирам) остановки* и т. п. И хотя и там, и там глагол требует прямого дополнения, одушевленный или неодушевленный характер последнего четко различает типовую семантику. Опять-таки характерно, что возможность опущения зависимого от глагола члена указывает на его центральное или периферийное положение в структуре фрейма. Так, мы скорее скажем *Журналист информировал общественность*, чем *Журналист информировал о беззакониях*. А редуцированная фраза *Учитель объяснил правило* выглядит естественней (требует меньше контекстуальной поддержки), чем *Учитель объяснил детям* и т. п.

2.3 Очередной пример и очередная референтная ситуация. В (РГП ЭСС) она рассматривается в подклассе совмещенных семантических моделей со значением «Человек сообщает кому-л. информацию в процессе профессионально-трудовой деятельности» (с. 197). Допустим, студенты-иностранцы изучают неродной для них русский язык, и руководит этой их работой преподаватель — он формулирует правила, приводит примеры, предлагает читать тексты и т. п. Для преподавателя это — его работа. Можно обозначить эту ситуацию как *Петров преподает русский язык (иностранцам)* или *Петров обучает иностранцев (русскому языку)*. Очевидно, что словоформы, взятые в скобки, обладают меньшей степенью связи с глаголом и потому могут быть опущены — в отличие от прямого дополнения, которое и в первом, и во втором случае имеет облигаторный характер. Правомерно считать, что во втором примере, по сравнению с первым, произошел рефрейминг ситуации, т.е. перестройка, реструктурирование ее с помощью языковых средств. Это еще одна иллюстрация на тему «вариативное представление фрейма с помощью языковых единиц». Но продолжим наш эксперимент. Можем ли мы, опустив во фразе сильноуправляемый элемент, одновременно «повысить ранг» слабоуправляемого? То есть сказать: *Петров преподает иностранцам?* По-видимому, да. Но это сразу же вносит новый оттенок в значение глагола *преподавать*: семантика действия здесь заменяется семантикой деятельности (*Петров преподает иностранцам* значит ‘Петров работает с иностранцами’). Эту мысль подтверждают данные НКРЯ. Сочетание глагола *преподавать* с формой дательного падежа встречается не более 200 раз на 3227 случаев употребления глагола, или примерно в 6 % контекстов, то есть довольно редко. Однако в приводимых здесь контекстах актуализируется семантика деятельности, например:

Разница между тем, как ты преподаешь студентам и взрослым людям, — колоссальная (Н. Щербак).

Иными словами, синтаксический компонент значения обнаруживает себя и здесь. И подобных примеров в русском языке — огромное множество, ср.

торговать чем и *торговать что*, *заниматься чем* и *заниматься с кем*, *дарить что кому* и *дарить кого чем*, *порвать что кому* и *порвать с кем/чем*, *бороться за что* и *бороться против чего*, *жертвовать чем* и *жертвовать что на что*, *целовать что кому* и *целовать кого во что* и т. д. Словари русского языка в той или иной мере фиксируют эти различия.

3 Система подчиненных глаголу актантов и возможностей диатетических преобразований составляет важную часть общей типологической характеристики языка. Так, в литературе давно показано, что в английском языке сочетаемость с разными типами субъекта воплощает в себе расщепление лексической семантики глагола: *The couple flew British Airways* — это одно, а *British Airways flew passengers* — это другое (см.: Götz-Votteler 2007: 44–45). А. Б. Левин, исследовавшая синтаксическое поведение английских глаголов, смогла их вообще сгруппировать в лексико-семантические классы на основании трех типов «аргументных альтернатив»: медиальной, конативной и локативной (Levin 1993: 23–55). Сами эти виды синтаксических преобразований представлены и в грамматике русского языка, но лексическая их реализация специфична, ср. англ. *Peter drives a car* — *The car drives easily* и рус. *Петр водит машину* — **Машина легко водится*; англ. *I watched the girl with interest* — *The girl was watched with interest* и рус. *Я смотрел на девушку с интересом* — *На девушку смотрели с интересом* (букв. **Девушка была смотрена с интересом*) и т. п. А, скажем, в словенском языке А. Желе фиксирует появление ряда глаголов, для которых употребление с прямым объектом свидетельствует не просто о «сужении сочетаемостного поля», но о специализации их семантики — *piratizirati programe, abstinirati glasovanje, blefirati veselje, foulirati nasprotnika* и т. п. (Žele 2013: 167). Своеобразие системы актантных сдвигов обнаруживается и при выходе за пределы литературного языка — в частности, применительно к жаргонному материалу, см. (Розина 2002: 13–14).

Конечно, нельзя требовать от синтаксических признаков, чтобы они полностью и четко отражали лексическое значение глагола: язык для этого слишком «мягок». Гипотеза о том, что «слова с одинаковым или сходным значением имеют одинаковые или сходные наборы синтаксических признаков, и наоборот» (Апресян 1967: 26), оказалась, очевидно, слишком сильной, «максималистской», однако общая идея взаимообусловленности семантических и синтаксических признаков остается актуальной. Для нас она принимает, как уже говорилось, вид синтаксического компонента, встроенного в лексическое значение. И чрезвычайно важно, что этот компонент соотносится со структурой фрейма: говорящий воплощает в языковой единице свою трактовку референтной ситуации (ср. идею «грамматики для продуктивных речевых действий» И. Г. Милославского — Милославский 2008: 209–17).

3.1 Рассмотрим еще один пример из русского языка. Глаголы *врать* и *обманывать* значат ‘говорить неправду, вводить в заблуждение’. При этом интенсивность действия, представленного в глаголе *врать*, сильнее, чем тот же признак в глаголе *обманывать*. Носитель языка интуитивно ощущает, что *врать*

— «грубее», но на этом его поверхностные метаязыковые знания заканчиваются.

Немецкая исследовательница С. Дённингхаус проанализировала большую группу русских «глаголов лжи» (*обманывать*₁, *обманывать*₂, *изменять*, *лгать*, *врать*₁, *врать*₂, (*клеветать*), *врать*₃, (*фальшивить*), *клеветать*, *брехать*, *выдумывать*, *вуалировать*, *туманить*, *камуфлировать*) и др. с помощью набора семантических признаков — таких, как участие социального момента, инструментальность, отклонение от нормы, экспрессивная оценка и т. п. (Dönninghaus 1999: 143–44). В результате получилась весьма сложная картина, которую можно истолковать как семантическое поле лжи, с субполями дезинформации, дезориентации, обмана как такового и ошибки. Внутри каждого из них, в свою очередь, выделяются более частные темы, вроде «искажать», «клеветать», «фантазировать», «симулировать» и т. п., представленные разными частями речи. Однако вся эта подробная классификация совершается в рамках чисто семасиологического анализа; синтаксические признаки данного класса слов остаются «за кадром».

Иные признаки ситуации обмана — цель, способ, использование «хитрых приемов и уловок», оценка со стороны наблюдателя и т. п. — учитываются А. М. Плотниковой, которая реконструирует подробный «когнитивный сценарий обмана» (Плотникова 2006: 75–79). И опять-таки можно предположить, что данные значения так или иначе должны найти свое выражение в тексте — через совокупность синтаксических признаков. Эта мысль подтверждается приводимыми исследовательницей примерами. В частности, следующая цитата из романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» содержит в себе указание на то, что ситуация обмана может включать в себя инструмент:

В Петербурге он, разумеется, скоро бы ее отыскал, под каким бы именем она ни воротилась в Россию; да дело в том, что заграничные его агенты его ложным свидетельством обманули: уверили его, что она живет в одном каком-то заброшенном городишке в южной Германии...

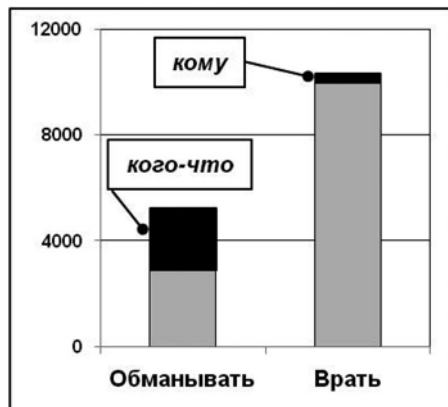
Здесь *ложное свидетельство* — инструмент обмана, подчеркивающий намеренный характер последнего. Оказывается, обманывать можно *чем-то* (с помощью чего-то), в то время как «врать чем-то» нельзя.

Обратимся в связи с этим вновь к (РГП ЭСС). Словарь различает глаголы *врать* и *обманывать* по разным синтаксическим моделям. Типовая семантика первой из них — «Человек сообщает адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т. п.) о ком-, чем-л.» (с. 195). Семантика второй — «Человек ведет себя каким-л. образом, поступает как-л., совершает какие-л. поступки» (с. 235).

Действительно, *врать* — преимущественно речевое действие, в то время как *обманывать* можно и поступками, поведением. Но обратим внимание на особенности синтаксического поведения данных глаголов. В структуру значения *обманывать* встроена информация о наличии у действия объекта — это человек, которого обманывают. По данным НКРЯ, из 5238 вхождений на этот глагол примерно половина — 2327 примеров (44,4 %) — содержат дополнение *кого-что*. А глагол *врать* концентрирует внимание носителя языка на самом факте лжи, выводя из поля зрения человека, который становится объектом (или адресатом) этой манипуляции. Статистика показывает (см. диаграмму 2): из

10321 вхождений на глагол *врать* только 339 (3,3 %) реализуют валентность с дательным падежом: *врать кому* (кстати, дательный падеж — вообще самый редкий в системе русских падежей).

Диаграмма 2: Употребление глаголов *обманывать* и *врать* с актантами в Национальном корпусе русского языка.

Сравним естественное: *Что ты врешь?* и маловероятное *Что ты обманываешь?* — при нормативном *Что ты меня обманываешь?*

4 Вопросы о соотношении семантики и синтаксиса, семантики и прагматики — одни из ключевых в современной лингвистике. Известные специалисты по искусственному интеллекту — Р. Шенк, Л. Бирнбаум и Дж. Мей — настаивают на необходимости интегрального представления семантических и прагматических знаний. По их мнению, в сознании носителя языка «не существует “словаря”, а есть только “энциклопедия”. Иначе говоря, лексикон тесно связан с прочими нашими знаниями и неотделим от них» (Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: 33). Соответственно, каждое слово репрезентирует фрагмент многообразного человеческого опыта, сфокусированный в памяти. Представление о той или иной жизненной ситуации (фрейм) включает в себя множество элементов, находящихся друг с другом в сложных отношениях. И в приведенных выше примерах мы видим, как взгляд говорящего на ситуацию способен выхватывать из нее те или иные детали и в то же время затушевывать, отдалять иные элементы фрейма. Синтаксис же оказывается самым естественным инструментом для структуризации ситуации, ее упорядочивания и представления в виде конкретной «картинки». Энциклопедическая информация, которой обладает говорящий (знания о «положении дел»), вынужденно укладывается в его речи в прокрустово ложе той или иной предикатно-актантной схемы.

Обсуждаемая тема имеет отношение и к общей проблематике когнитивной деятельности человека, и к вопросу о последовательности участия отдельных языковых уровней в речевой деятельности. В недавней своей статье известный

американский лингвист (давний оппонент Н. Хомского) У. Чейф писал, что синтаксические (грамматические) структуры языка «по определению не могут напрямую взаимодействовать с мышлением. <...> Лексикализация и линейаризация искажают синтаксические структуры, увеличивая расстояние между ними и мышлением» (Чейф 2015: 79–80). Поэтому процесс порождения текста Чейф выстраивает примерно следующим образом: *мысли — семантика — синтаксис — фонология — звуки*. С нашей точки зрения, синтаксический компонент присутствует уже на «семантическом» уровне, «внутри» лексического значения — во всяком случае, выбор глагольного предиката предопределяет и синтаксический «костяк» будущей фразы.

4.1 Наблюдения над материалом словарей проходят проверку в речевой практике. В этом плане большой интерес представляют факты речевых отклонений от норм управления. Как правило, это не просто «ошибки», а проявления языковой аналогии: изменяющаяся сочетаемость свидетельствует о том, что глагол попадает в сферу влияния другого глагола, т.е. становится с ним близким по значению. Ср. примеры из современных газетных текстов, типа *сгореть аутсайдеру, наследовать еретикам, собеседовать соискательницу, курировать подчиненными, нахлебаться с проблемами, вестись на аплодисменты* и т. п. А вот показательные цитаты из новейшей художественной литературы:

Одна религия без скандала наследует другой, мирно деля священное пространство (А. Генис, «6 пальцев») — ср.: *сопутствует* или *подражает другой* и т. п.

Воззри на нас и на них. Поговори к нам высоким Твоим эсперанто. Дай знак (С. Соколов, «Тревожная куколка») — ср.: *обратись к нам* и т. п.

Дополнительные примеры из художественных и публицистических произведений приводятся в (Норман 2011). Закрывать на них глаза как на явные речевые оплошности не позволяет их регулярный характер. Наоборот, их следует трактовать как проявления жизни языка, а именно — ингерентного стремления к оптимизации лексической системы и оперативной перестройки семантических связей между словами.

4.2 Но общую картину взаимодействия синтаксических признаков с лексической семантикой глагола можно получить только обратившись к статистической обработке речевых данных. Эти данные «укрупняют» картину, они не только позволяют верифицировать теоретические положения, касающиеся синтаксического компонента лексического значения, но иногда способны и изменить наши интуитивные представления о положении дел (см.: Перцов 2006). Что же касается носителя языка, то он в своей речевой практике ежедневно ставит эксперимент, испытывающий на прочность связи лексики и синтаксиса. Упомянутые выше отклонения в глагольном управлении — экстремальный случай, воспринимаемый на фоне нормально работающих механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ю. Д. АПРЕСЯН, 1964: О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа). *Вопросы языкознания* 3. 32–49.
- , 1965: Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам (типам управления). *Вопросы языкознания* 5. 51–66.
- , 1967: *Экспериментальное исследование русского глагола*. Москва: Наука.
- , 1974: *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- М. Б. БЕРГЕЛЬСОН, А. Е. КИБРИК, 1981: Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка. *Известия АН СССР: Серия литературы и языка* 40/4. 343–55.
- Б. М. ГАСПАРОВ, 1971: *Из курса лекций по синтаксису современного русского языка: Простое предложение*. Тарту: Тартуский гос. Университет.
- Ф. ДЖУСТИ-ФИЧИ, 1990: Объект и транзитивность. *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста*. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Наука.
- О. ЕСПЕРСЕН, 1958: *Философия грамматики*. Москва: Изд-во иностранной лит-ры.
- И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, 2008: Какая грамматика нужна для обозначения действительности средствами русского языка? *С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday*. Ed. J. Linstead et al. Helsinki: University of Helsinki. 207–25.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Web.
- Б. Ю. НОРМАН, 2011: Глагольное управление как многофакторный феномен. *Дискурс, культура, ментальность: Коллективная монография*. Отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСП. 242–54.
- , 2012: К проблеме многозначности: Семантика и синтаксис глагола *грешить*. *Urbi et Academiae. Граду и научному сообществу* 1/3. Санкт-Петербург: Изд-во Эалеф-Пресс. 119–27.
- Е. В. ПАДУЧЕВА, 2002: Диатеза и диатетический сдвиг. *Russian Linguistics* 26/2. 179–215.
- Н. В. ПЕРЦОВ, 2006: К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных. *Русский язык в научном освещении* 1. 227–45.
- А. М. ПЛОТНИКОВА, 2006: *Многозначность русского глагола: Когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений)*. Екатеринбург.
- РГП ЭСС, 2002: *Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь*. Под ред. Л. Г. Бабенко. Москва: Флинта.
- Р. И. РОЗИНА, 2002: Категориальный сдвиг актантов в семантической deriva-

- ции. *Вопросы языкознания* 2. 3–15.
- Ю. В. СОЛОНИЦЫН, 1966: О цифровых показателях, характеризующих «силу управления». *Вопросы языкознания* 2. 80–83.
- Л. ТЕНЬЕР, 1988: *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс.
- У. ЧЕЙФ, 2015: На пути к лингвистике, основанной на мышлении. *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. Ред. А. А. Кибрик и др. Москва: ЯСК. 60–88.
- Р. ШЕНК, Л. БИРНБАУМ, ДЖ. МЕЙ, 1989: К интеграции семантики и прагматики. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIV. Москва: Прогресс. 32–47.
- Sabine DÖNNINGHAUS, 1999: *Sprache und Täuschung*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Thomas GIVÓN, 1984: *Syntax: A functional-typological introduction*. Zv. 1. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Katrin GÖTZ-VOTTELER, 2007: Describing semantic valency. *Valency: Theoretical, descriptive and cognitive issues*. Ur. T. Herbst, K. Götz-Votteler. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 37–49.
- Beth LEVIN, 1993: *English verb classes and alternations*. Chicago: University Press.
- Henrik NIKULA, 2003: Valenz und Pragmatik. *Dependenz und Valenz: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Ur. V. Agel idr. Zv. 1. Berlin, New York: de Gruyter. 499–507.
- Andreja ŽELE, 2013: Лексико-синтаксические изменения в современном словенском языке. *Jezikoslovni zapiski* 19/1. 161–71.

POVZETEK

Članek potrjuje tezo, da leksikalni pomen besede vključuje skladijsko prvino, ki v sebi združuje vse prejšnje rabe besede in v veliki meri napoveduje možnosti njene nadaljnje rabe. Povezava med leksikalnim pomenom in skladijskimi prvinami je prikazana na primeru ruskih glagolov, kot so добавлять in дополнять ‘dopolnjevati’, обучать in преподавать ‘roučevati’, врать in обманывать ‘varati, zavajati’.

Osnovo in okvir predlagane teorije predstavljajo najnovejši dosežki leksikalne semantike (delo raziskovalnih skupin pod vodstvom J. D. Apresijana in L. G. Babenko), dela o skladijski kompatibilnosti (H. Nikula, B. Levin idr.) in podatki iz jezikoslovne statistike.